

Субъект в пространстве аргументации

Аннотация. Статья посвящена анализу трудностей разработки общей теории аргументации. Показано, что построение такой теории предполагает предварительное решение ряда эпистемологических проблем, среди которых важное место занимает анализ субъекта аргументации. В статье ставится задача выявления эвристического потенциала феноменологии Э. Гуссерля для решения проблемы *Другого* (другого Я). Обосновывается, что феноменологический подход, использующий идеи смысла и интерсубъективности, позволяет выявить механизмы моделирования субъектом аргументации сознания адресата.

В статье делается вывод о том, что аргументация – это встречающаяся взаимоактуализация смыслов. Причем этот процесс происходит каждый раз заново, когда субъект и адресат в аргументативном дискурсе предстают не как противостоящие образования, а как моменты когнитивной целостности, непрерывно трансформирующие друг друга в каждом акте сознания в процессе обретения нового опыта.

ключевые слова: *теория аргументации, интерсубъективность, сознание, феноменология*

S. Krjuchkova

The Subject in the Space of Argumentation

Abstract. The article is devoted to analyzing the difficulties of developing a general argumentation theory. It is shown that the construction of such a theory requires a preliminary solution of several epistemological problems among which the subject of argumentation analysis is very important. In the article the task of revealing the heuristic potential of E. Husserl's phenomenology for resolving the problem of the Other (the other Self) is set. It is argued that the phenomenological approach using the ideas of

sense and intersubjectivity allows us to reveal the mechanisms of modeling the addressee's consciousness by the subject of argumentation.

In the article it is concluded that argumentation is a process of counter-directed interactualization of senses. And the process takes place all over again every time when the subject and the addressee of an argumentative discourse appear not as opposed formations but as moments of cognitive integrity, which continuously transform each other in each act of consciousness in the process of acquiring new experience.

key words: argumentation theory, intersubjectivity, consciousness, phenomenology

Несмотря на наличие богатой исторической традиции изучения феномена аргументации и многочисленные современные попытки создания ее общей модели, теории аргументации (ТА), в строгом смысле этого слова, на сегодняшний день не существует, как не существует и однозначного ответа на вопрос о принципиальной возможности существования такой теории⁴²⁵. Основная трудность заключается в том, что ТА, как научная дисциплина, должна соединить в единое целое такие различные логико-эпистемологические процедуры, как обоснование и убеждение, неразрывно бытийствующие в реальных аргументативных дискурсах.

Существующие на сегодня различные модели аргументации, вполне работающие в той или иной области приложения, оказались неспособными выполнить роль общей ТА. Это обусловлено их предметной ограниченностью лишь одним из аспектов аргументативного дискурса – логическим, риторическим, психологическим, лингвистическим. Попытки же создания системной мо-

⁴²⁵ Франс Х. ван Еемерен. Современное состояние теории аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб, 2006. С.15.

дели, которая заняла бы место доминировавшей до недавнего времени логикоцентристской, пока не только не привели к созданию эффективного методологического аппарата общей ТА, но даже к выработке единой концептосферы и достижению консенсуса относительно дефиниций, казалось бы, интуитивно ясных ключевых категорий, описывающих аргументативный дискурс. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость осуществления предварительного прояснения целого ряда простых интуиций, используемых в ТА. В их числе находится и само понятие аргументации, под которым сегодня понимают: и особый вид публичной деятельности, и процедуру обоснования (часто одну из ее разновидностей – формально-логическое доказательство), и убеждающее общение, и совокупность аргументов, а также технику речи, направленную на убеждение собеседника и/или аудитории.

Такое множество интерпретаций термина «аргументация» обусловлено, с одной стороны, существованием различных форм аргументативного дискурса, присутствующих в культуре и реализующихся как речевая деятельность, включающая в качестве неустранимого компонента внелингвистические факторы, с другой, фундаментальной двойственностью самой природы аргументации, в которой всегда наличествуют как содержательно-смысловые, связанные с обоснованием, так и коммуникативно-субъективные, связанные с пониманием и убеждением, составляющие.

С середины прошлого века наблюдается повышенный интерес к аргументативному дискурсу. Он вызван как практической потребностью в новых стандартах полемической коммуникации, так и развитием сферы исследований, связанных с искусственным интеллектом и

computer science.⁴²⁶ Данные обстоятельства, а также появление новых методологических средств анализа убеждающей речи, полученных в таких теориях, как неориторика (Х.Перельман), неформальная логика (Г. Джонстон, А. Блэр), прагматодialeктика (Ф.Х. ван Еермерен, Р. Гроотендорст), формальная диалектика (Э. Барт и Э. Краббе), радикальный аргументативизм (О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбр) и др., открывают возможности для того, чтобы поставить проблему создания общей ТА «заново». Это, в свою очередь, предполагает в качестве предварительного условия исследование ряда эпистемологических проблем, среди которых важное место занимает анализ субъекта аргументации.

Пространство аргументации, как проявление межсубъектной речевой коммуникации, «населяют» три вида субъектов: аргументатор (актор, пропонент, протагонист), произносящий речь; адресат (реципиент, оппонент, антагонист), интерпретирующий эту речь в координатах своего сознания и личностных смыслов; аудитория, которая может быть, как универсальной (например, в случае обоснования в форме доказательства), так и специальной. Аргументатор в классической гносеологической традиции «объективирующего» мышления центрируется в качестве активного субъекта аргументативного дискурса, т.к. именно он с помощью аргументационной речи реализует основную цель аргументации – изменение точки зрения адресата. Последнему же, чаще всего, отводится роль пассивного объекта убеждающего воздействия. Субъект-аргументатор с его личностными характеристиками, системой ценностей, целями, намерениями, мастерством, авторитетностью и т.д. является весьма сложным для изучения объектом, не случайно его разные грани выступают предметами исследования

⁴²⁶ Зайцев Д.В. Теория и практика аргументации. М., 2007. С.164.

разных дисциплин – логики, философии, лингвистики, психологии и др.

Классическая аргументативная традиция представляет субъекта-аргументатора, в первую очередь, как автономного и самодостаточного «речевого субъекта» (термин А.В. Брушлинского), а его речь – как убеждающий монолог. Это особенно хорошо видно на примере логоцентристского подхода к аргументации. Монологический подход делает предметом анализа аргументацию в виде ее достаточно упрощенной схемы – как чередование монологов участников, что позволяет построить ее теоретическую модель. Такой методологический прием имеет не только это преимущество, но и свои прагматические основания. Действительно, часто в убеждающем общении адресат никак «не обнаруживает себя», или же собеседники, представляющие свои позиции, «не слышат друг друга», каждый развивает лишь свою тему, или же субъект и адресат совпадают в одном лице. Тем самым, мы в ходе, казалось бы, диалогического взаимодействия, в реальности имеем дело с монологом субъекта-аргументатора. «Вряд ли можно сужать границы аргументации рамками диалога, подчеркивал в свое время один из пионеров исследования аргументации в нашей стране, Г.А. Брутян. – Спор может быть как с реальным оппонентом, так и с воображаемым, как с конкретным, так и обобщенным оппонентом, как с одним собеседником, так и с разными участниками возможной дискуссии. Наконец, спор может быть с самим собой. Понятно, что во всех этих случаях мы имеем дело с аргументацией, но вряд ли правильно сводить все эти формы рассуждения только к диалогу. Да и многовековая практика человечества подтверждает, что аргументация осу-

ществляется во всех возможных формах рассуждения».⁴²⁷

Подобная позиция приводит к выводу, что от адресата с его личностными качествами, когнитивными способностями, эмоциональным состоянием, социальной позицией можно абстрагироваться, вынеся его «за скобки». «При построении теоретической модели (которая всегда есть упрощение и если не является упрощением, то и не может быть моделью) разумно из диалога абстрагировать влияние одной стороны на другую с целью изменения убеждений последней. В таком случае мы будем иметь дело с *теорией аргументации*. Диалог тогда может быть представлен как смена позиций «аргументирующего» (или субъекта аргументации) и «аргументируемого» (или адресата аргументации)».⁴²⁸ Принципиальная нерелевантность адресата, взятая в качестве установки, позволяет представить аргументацию в виде завершеного, упорядоченного, рационального рассуждения и, как следствие, позволяет строить ее теоретические модели, например, нормативного типа, наподобие тех, которые разрабатываются сегодня в неформальной логике. Однако за нормативность в случае, если речь не идет об аргументации в виде доказательства в точных науках, где она представлена в виде общезначимого (безличного) вычисления по установленным правилам, приходится расплачиваться слишком высокой ценой – фактическим отказом от рассмотрения процесса убеждения адресата, т.е. от того, что является главной целью аргументации в процессе коммуникации.

⁴²⁷ Брутян Г.А. Аргументация // Вопросы философии, 1982. №11. С.32.

⁴²⁸ Брюшинкин В.Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» VII Кантовских чтений. Калининград, 2000. С. 135.

Сегодня монологизм практически полностью вытеснен диалогизмом. «От аксиомы к диалогу» – это название работы Э. Барта и Э. Краббе как нельзя лучше обозначает те перемены, которые произошли в исследовательских подходах к аргументации во второй половине 20 века. Однако, несмотря на то, что логика монологического дискурса чужда неклассической философии⁴²⁹, в которой активно развивается философия диалога, она по-прежнему присутствует в ряде работ по аргументации (С. Тулмин, А.П. Алексеев, Г.А. Брутян, Ю.В. Ивлев и многие другие). Вместе с тем, нельзя не видеть, что сегодняшней монологизм претерпел серьезные метаморфозы. Делая «излишней апелляцию даже к воображаемому диалогу, которая обычно используется с целью подчеркнуть коммуникативную природу аргументации»,⁴³⁰ он в своей современной версии стремится так или иначе учитывать особенности и возможности адресата, разделяя, тем самым, древнюю максиму: «говори с каждым в соответствии со степенью его понимания».

Диалогизм, с позиций которого аргументация предстает как «встреча умов», видится некоторым «мыслителям-диалогистам» онтологической осью жизни⁴³¹. Благодаря возникновению «философии диалога» в лице М. Бубера, М. Бахтина, Э. Левинаса, О. Розеншток-Хюсси и др., в 20 веке была сформирована своего рода парадигма диалогизма, стимулировавшая междисциплинарные исследования проблем аргументации и ком-

⁴²⁹ *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. С.371

⁴³⁰ *Алексеев А.П.* Философский текст: идеи, аргументация, образы. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С.115.

⁴³¹ *Гиршман М.М.* Основы диалогического мышления и его культурно-творческая актуальность // Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2007. С.451-462.

муникации. В результате этого в проблемном поле современного теоретического анализа появились новые теории и концепты, например, понятие «коммуникативного пространства», как пространства смыслов культуры, возникающее, по мнению создателя дискурсивной этики К.-О. Апеля, во время аргументативного диалога, который в своем идеальном варианте позволяет «выстраивать мосты» разумного практического консенсуса. Достижение последнего возможно лишь при условии складывания идеального аргументативного сообщества, в котором субъекты – равноправные участники аргументации, демонстрирующие стремление к взаимопониманию сторон, в силу чего они становятся способны отменить «все личное», и тем самым преодолеть эгоистическую мотивацию⁴³². То есть, аргументативный диалог предполагает выход участников за пределы собственного внутреннего мира и встречу их в особом мире, который М. Бахтин называл «миром общения».

Субъект-аргументатор проявляет свою способность убеждать в условиях общения с *Другим* (другое Я). *Другой* – это тот, кому адресована речь, тот, кто «соизмеряет» произнесенное. Понимание и признание позиции *Другого*, попытка проникнуть в его внутренний мир, являются ключевыми моментами в процессе аргументации. Проблематизация Я и *Другого* осуществлялась в 20 веке такими известными философами как Э. Гуссерль, К. Ясперс, М. Бубер, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, Э. Левинас. «В поисках другого» (М. Бубер) будут замечены многие приверженцы претендующей сегодня на универсализм «коммуникативной программы», разработанной под влиянием идей Э. Гуссерля в трудах К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, а также представители психоанализа и постмодернизма. Корни такого

⁴³² См.: Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии: М.: Прогресс-Традиция, 2009. С.42-43.

мощного исследовательского интереса к проблеме *Другого Я* следует искать в характере современной культуры, в колоссальном возрастании роли коммуникации, которая уже «есть не просто общение двух субъективностей, но их приобщение к интересубъективной реальности бытия».⁴³³

Проблема *Другого*, истолкованная как проблема «видения» (представления) субъектом аргументации внутреннего мира адресата с целью выработки эффективной стратегии воздействия на его убеждения, имеет важное значение для ТА. Особое место в ее исследовании принадлежит феноменологии, которая манифестировала интересубъективную программу обоснования человеческого мышления в ходе ревизии рациональной метафизической традиции, согласно которой именно разум является «фундаментальной основой человеческого самостояния».⁴³⁴

Обращение к феноменологической концепции *Другого* – это некий «угол зрения», под которым хотелось бы посмотреть на роли субъектов в пространстве аргументации. Отвергнув старую метафизику, феноменология попыталась избежать теоретической предвзятости и отказалась «применять готовые теоретические шаблоны (например, схему субъект-объектного отношения)».⁴³⁵ И хотя данная эпистемологическая оппозиция продолжает, по мнению В.С.Степина, работать во многих познава-

⁴³³ Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. С.74.

⁴³⁴ Павленко А. Пределы интересубъективности. СПб.: Алетейя, 2012. С.9-12.

⁴³⁵ Михайловский А.В. Свое и мир. Онтологическая герменевтика В.В.Бибихина // Проблема «Я»: философские традиции и современность. М., 2012. С.81.

Субъект в пространстве аргументации
тельных ситуациях,⁴³⁶ для анализа аргументации она должна быть переосмыслена.

Традиционно считается, что для того, чтобы аргументативная речь оказалась эффективной, она должна быть адресной, учитывающей особенности восприятия и содержание «мысленного поля» (И.Кант) адресата. Личностное измерение, в виде «адресованности» и «авторства», является, по мнению ученых из наиболее влиятельных центров исследования аргументации – Брюссельского (Х.Перельман) и пенсильванского (Г.Джонсон)⁴³⁷ – главной особенностью аргументации.

Чтобы аргументативная речь стала «адресованной», т.е. учитывающей особенности личности адресата, необходимо осуществить «диагностику» *Другого*. Но «как я могу конституировать в себе другое Я»,⁴³⁸ - задает вопрос основатель феноменологии – Э. Гуссерль. В поисках ответа на этот вопрос им был разработан целый ряд продуктивных для ТА идей: интересубъективности, смысла и концепция *Другого*, в которой исследуется механизм эпистемологической процедуры, с помощью которой субъектом создается модель сознания адресата. Методологический потенциал этой концепции Э. Гуссерля в значительной мере способствует прояснению механизмов конструктивной и проективной деятельности субъекта в ходе аргументации.

Отказавшись от старой метафизики, Гуссерль, тем не менее, использует из ее эпистемологического багажа такое понятие как «трансцендентальное Эго», подвергая его теоретическому переосмыслению. Субъект

⁴³⁶ Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы круглого стола)// Вопросы философии, 2007. №6. С.74.

⁴³⁷ Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументация, обrazy. М., 2006. С.74.

⁴³⁸ Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И.Молчанова. М.: Академический проект, 2010. С.162.

Э.Гуссерля, это *Я*, взятое вместе с чистой жизнью его сознания, в которой и благодаря которой существует весь объективный мир, и существует именно для этого *Я*.⁴³⁹ Полагая трансцендентального субъекта аподиктическим принципом своей теории, Гуссерль видит его и источником смыслов предметностей. *Другой* – это тоже предметность, правда, предметность особого рода. «Сфере моего душевного бытия принадлежит все конституирование существующего для меня мира, а кроме того, разделение этого конституирования на конститутивные системы, которые конституируют специфически собственное и Чужое».⁴⁴⁰

Начало пути к *Другому Я* лежит в первичной смысловой сфере Я, очищенной от «естественной установки» обыденного мышления, согласно которой вещи рассматриваются как самостоятельные «данности». Это традиционное представление, прочно укорененное в нашем сознании, явилось одной из причин объективизма картезианской рационалистической традиции. Ситуация, когда «почерпнутое из опыта сразу же получало для меня значимость, и это было базисом для всех остальных моих точек зрения»⁴⁴¹, по мнению Гуссерля, должна быть преодолена в ходе освобождения сознания от объективистских иллюзий. Гуссерль исследует вопрос о том, как *Я* может признавать независимое существование других сознаний, и, следовательно, как можно проникнуть в ментальное, смысловое пространство *Другого*, если оно не может быть предметом восприятия? *Другой* не дан непосредственно, т.к. «если бы имело место обратное, если бы то, что по своей сущности свойственно *Другому*, было доступно непосредственно,

⁴³⁹ См.: Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. С. 77.

⁴⁴⁰ Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И.Молчанова. М.: Академический проект, 2010. С.127.

⁴⁴¹ Гуссерль Э. Парижские доклады. Логос, 1991. №2. С.14.

Субъект в пространстве аргументации

то оно было бы лишь моментом моей собственной сущности, и в конечном счете он сам и я сам были бы одним и тем же»,⁴⁴² включая и телесность. Однако, существование *Другого*, как заметит позднее Ж.-П. Сартр, очевидно не только на теоретическом уровне, но и на эмоциональном, о чем свидетельствуют испытываемые под взглядом Другого такие чувства как смущение, стыд и др.

Стараясь избежать напрашивающегося упрека в трансцендентальном солипсизме, а также решая более глобальную задачу обоснования феноменологической науки, как универсального общезначимого метода, Гуссерль ставит цель – обосновать существование других Я, как трансцендентальных субъектов. Техническое решение этой задачи оказалось весьма не простым. Сначала с помощью метода феноменологической редукции он отказывается от присутствия *Другого*, как некоей изначальной данности, а затем при обращении к феноменам, он осуществляет своего рода «удвоение» трансцендентальных субъектов, где *Другой* выступает в форме интенциональной модификации.

Опыт по признанию и обоснованию *Другого* происходит с помощью метода аппрезентативно-апперцептивного переноса, весьма напоминающего, по мнению ряда исследователей, аналогию.⁴⁴³ Однако сам Гуссерль подчеркивал, что данная процедура есть «определенного рода уподобляющая апперцепция, а потому никоим образом не заключение по аналогии. Апперцепция не логический вывод, не акт мышления»⁴⁴⁴. Она позволяет с первого взгляда постигать смысл предданного повседневного мира «вместе с его горизонтами,

⁴⁴² Гуссерль Э. Картезианские медитации ... С.140.

⁴⁴³ Молчанов В. Предисловие // Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. В.И.Молчанова. М.: Академический проект, 2010. С.9.

⁴⁴⁴ Гуссерль Э. Картезианские медитации ... С.143.

интенционально отсылает к некоторому *первичному установлению* (Urstfung), в котором предмет, имеющий подобный смысл был впервые сконструирован»⁴⁴⁵. А вот затем уже в повседневном опыте осуществляется собственно аналогизирующий перенос первоначально установленного предметного смысла на новый случай, своего рода типизация. Так обнаруживая другое, подобное моему, тело, полагает Э.Гуссерль, *Я* благодаря ассоциации, образующей пару с моим «живым телом», приписываю ему и душу, т.е. признаю за ним свойство быть психо-физическим «живым телом», то есть другим *Я*. Таким образом, в интенциональных данных *Я* конституируются данные опыта *Другого*.

Так появляется другая субъективность, для которой тоже есть другие, составляющие сообщество трансцендентальных Эго, состоящее из своеобразных периферийных монад, центрирующееся вокруг *Я*. Эти монады могут общаться, сообщая друг другу, что происходит в их трансцендентальных мирах, обогащая при этом друг друга. Известный с древности призыв: «Заговори, чтобы я тебя увидел», приобретает в этом контексте особый смысл. Использование языка – важнейшее обстоятельство, т.к. «языковое выражение предполагает существование трансценденции, радикального разделения, чуждости друг другу собеседников, обнаружение Другого перед иным Я».⁴⁴⁶ Сообщество монад Э.Гуссерль интерпретирует как человеческое сообщество, в котором в результате общения в соответствии приводятся субъективные времена и пространства. В конечном результате «мой мир» становится интересубъективным, в него включается как природа, так и социум. Таким образом, исследуя ментальное пространство интенциональных

⁴⁴⁵ Там же. С.143.

⁴⁴⁶ *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000. С.106.

актов Я, Э. Гуссерль решает проблему нахождения интересубъективности, конституируя тем самым новый смысл бытия.

Осуществляя «перенос достоверности» с собственного монадического сознания, которое «является априорно интересубъективным»,⁴⁴⁷ на *Другого*, можно понять, как его сознание конструирует смыслы. При этом *Другой* – это проекция меня самого, но не как моя копия, а как *Другое Я*. Без проникновения в сознание *Другого* никакая коммуникация, взаимопонимание и аргументация невозможны.

Способом такого проникновения может выступить экстерииоризация собственных ментальных состояний, «овнешнение», в ходе которого «человек, образно говоря, «выворачивает себя наизнанку», вынося свой внутренний мир наружу и делая его, таким образом, доступным для контакта с другим человеком», позволяя «соприкоснуться «внутренними поверхностями», сопоставить ментальные состояния».⁴⁴⁸ А, следовательно, не только вступить в коммуникацию, но и в конечном счете узнать с помощью «вчувствования», стали ли смыслы Я понятны *Другому*, приняты ли они во внимание, т.е. получить ответ об успешности/неуспешности аргументации. Именно понятие смысла, как интересубъективности, погруженной в субъективность, позволяет с помощью феноменологического метода Э.Гуссерля иначе взглянуть на некоторые «догмы» неориторических моделей ТА, связанных с такой характеристикой аргументативной речи, как ее адресность («адресованность»), основанной на требовании максимального учета лич-

⁴⁴⁷ *Лифинцева Т.П.* Проблема интересубъективности в философии XX в.: Я и Другой // Субъективность и идентичность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.186.

⁴⁴⁸ *Липский Б.И.* Вещь как интенциональный объект // Вопросы философии. 2011. №2. С.21.

ностных характеристик *Другого*, в данном случае субъекта-адресата.

Вывод о том, что «смысл фундирует взаимодействие»,⁴⁴⁹ в нашем случае означает, что возникающие в интерсубъективном поле аргументации смыслы не приходят извне в готовом виде (как нечто субстанциональное и общезначимое), а затем уже истолковываются реципиентом, они создаются им и актуализируются в реальных когнитивных актах, когда один личностный смысл «встречается» с иным смыслом. В связи с этим «концепция смысла, как когнитивно обусловленного, и связанное с ней понятие двустороннего смысла, его «противоречивость», вызвавшая к жизни проблему логического и психологического в мышлении, является важной при построении теории аргументации и требует своего дальнейшего развития»⁴⁵⁰.

Аргументация – это встречающаяся взаимоактуализация смыслов. Причем этот процесс происходит каждый раз заново, когда «субъект и адресат в аргументативном дискурсе предстают не как противостоящие образования, а как моменты когнитивной целостности, «непрерывно трансформирующие друг друга в каждом акте сознания, в процессе обретения нового опыта»⁴⁵¹. В ходе аргументации происходит взаимопроникновение в ментальное пространство *Другого*, когда объективные языковые значения субъективируются в виде личностных смыслов, активизируя наличные мотивации и формируя желательные. «Тем самым смысл утрачивает

⁴⁴⁹ Гутнер Г.Б. Смысл как основание коммуникативных практик // Эпистемология & философия науки. Т.XVIII.2008. №4. С.45.

⁴⁵⁰ Зайцева Н.В. Феноменология и когнитивные основания аргументации // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход. Калининград, Изд-во РГУ им. Канта, 2010. С.81.

⁴⁵¹ Смирнова Н.М. Когнитивные основания феноменологического конструирования // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009. С.150.

свойства субстанциональности, общезначимости, данности, и в нем начинает проглядывать уникальность и функциональная изменчивость сознания, обусловленные конкретной культурной и экзистенциальной ситуацией субъекта»⁴⁵².

Фигура *Другого* через интерсубъективность, через отношение *Я* и *не-Я*, как подобных и равноправных субъектов, в аргументативном диалоге может быть представлена как аргументатором, так и адресатом. Сама аргументация при этом выступает как пространство взаимодействия субъективных носителей сознания, что в определенной степени сближает ее с герменевтикой, в той части, где последняя исследует «невместимый в пределы одного сознания» (Бахтин) интерсубъективный смысл, как предмет понимания, возникающий в процессе диалога.⁴⁵³

Однако, вряд ли возможно, даже с помощью изощренного теоретического анализа, используемого феноменологами, осуществить доскональную диагностику *Другого*, проникнуть в самые глубины его личности. Вместе с тем, и без такой диагностики, как показывает практика, некоторые «безадресные» и «анонимные» аргументации, оказываются весьма эффективными и успешными. Примерами могут служить многочисленные случаи убеждающего воздействия художественных текстов («над вымыслом слезами обольюсь») или выступлений знаменитых ораторов перед толпой. Почему же «безадресные» аргументационные речи бывают неожиданно более успешны, чем даже те, которые императив адресности соблюдают.

Используя гуссерлевскую идею о механизме смыслообразования, данному эффекту «резонанса в целое»

⁴⁵² *Касавин Т.И.* Смысл – не основание, а следствие // Эпистемология & философия науки. Т. XVIII. №4. С. 67.

⁴⁵³ *Тюна В.И.* Указ. соч. С. 74.

(Т. де Шарден) можно дать объяснение с позиции феноменологического подхода. Последний вполне успешно, как показали Д.В. Зайцев и Н.В. Зайцева, может быть применен как средство анализа и интерпретации эффекта встраивания смысла в концептуальную систему субъекта в ходе аргументации. На конкретных и весьма разнородных примерах (библейской притчи о книжниках и фарисеях, речи адвоката Ф.Н. Плевако, а также пушкинского стихотворения «Зимнее утро») они показали, каким образом, избежав подробностей, связанных с личным восприятием, достигается потрясающий эффект «узнавания» и «сопереживания». «Во всех трех примерах парадоксальным образом, жертвуя адресностью, авторы добиваются эффекта интерсубъективности транслируемого смысла... Именно благодаря «анонимности» сообщения, адресату оказывается просто встроить транслируемый смысл в свою концептуальную систему, преобразовать интерсубъективный, объективный смысл сообщения в личный, субъективный смысл».⁴⁵⁴ Этот же механизм присутствует в аргументации, когда в ходе полемики каждому из субъектов приходится оценивать информацию с позиции своего личного опыта. Т.о., понятие интерсубъективности смысла, связанное с идентичностью сонаправленных интенциональных актов субъектов, взятое в качестве принципа, объясняет, почему при отсутствии адресности той или иной аргументативной речи, она часто успешно встраивается в личный смысловой мир субъекта-адресата. В связи с этим, вопрос о передаче смысла превращается в вопрос об условиях понимания, интерпретации определенных смыслов, содержащихся в культуре.

⁴⁵⁴ Зайцев Д.В., Зайцева Н.В. Мороз и солнце. Интерсубъективность в аргументации // Мысль. Ежегодник С.-Петербургского философского общества, №6 (Аргументация). СПб., 2006. С.117.

Э. Гуссерль, отмечая существование отдельных сообществ, подчеркивал, что «природа для всех одна, а культуры разные». Понять культуру *Другого* (*Я* и моя культура являются для него первопорядковыми) можно с помощью метода вчувствования. Это позволяет осуществить, во-первых, процесс понимания смысла *Другого*, а во-вторых, транслировать свой смысл *Другому*, сделать свой смысл смыслом *Другого*. Именно это обеспечивает успех аргументации, так как субъект адресат воспринимает интерсубъективные смыслы не как внешние и навязанные, а как свои собственные, т.е. согласующиеся и соответствующие его индивидуальному опыту. Интерсубъективизм, тем самым, оказывается залогом эффективной аргументации.

В ходе произведенной Э.Гуссерлем трансцендентально-феноменологической редукции была снята «жесткая» субъектно-объектная дихотомия, являвшаяся основой монологизма в аргументации: *Другой* оказался «проекцией меня самого», а, следовательно, он изначально встроен в структуры «самости» субъекта, «присутствует в горизонте сознания личности даже в ситуации беспросветного одиночества или затерянности в толпе»⁴⁵⁵. Вместе с тем, в ходе феноменологической редукции «очистился» не только внутренний опыт субъекта, но и были вынесены «за скобки» окружающий мир (природа, культура, социум) и само эмпирическое *Я* (со всей его психической жизнью). Из-за такого сугубо умозрительного подхода трансцендентальный субъект Э.Гуссерля, оказывается «слишком абстрактным, безличным, лишенным каких бы то ни было особенностей; он представляется не более чем точкой, из которой ис-

⁴⁵⁵ Смирнова Н.М. Эпистемология жизненного мира: новые когнитивные горизонты //Эпистемология: новые горизонты М., 2011. С.129.

ходят интенциональные акты». ⁴⁵⁶ Лишенность же *Другого* каких бы то ни было личностных характеристик, в свою очередь, ставит под сомнение возникновение у *Я* желания и потребности с ним общаться. Таким образом, «очищение» внутреннего мира субъекта, доведенное до некоторого логического конца, может привести к исчезновению самой потребности в коммуникации, а, следовательно, и в аргументации любого рода.

Действительно, гуссерлевское понимание *Я* надлено полнотой теоретического сознания, в ущерб душевной жизни, что не позволяет ему полностью пролить свет на трансцендирование, на личностный способ бытия *Я* «лицом-к-лицу» с *Другим*. Вместе с тем, неверно было бы утверждать, что Э.Гуссерль вообще не учитывает индивидуально-психологические (субъективные) и специфические познавательные характеристики сознания субъекта, имеющие важное значение в ситуации убеждения. Он вводит понятие «жизненного мира», как личностного мира», включающего убеждения, интересы, привычки, семью, страну и т.д., т.е. связывает субъективность с личностью. «Жизненный мир» окружает *Я* в течение его жизни, за ним отдалении выстраивается вырастающий из этого мира второй мир – мир культуры. Интерсубъективность связывается им с языком, носителем которого является «со-человечество», как «сообщество общающихся друг с другом людей». Мир культуры выступает интерсубъективной средой, «структурированным миром интерсубъективных значений» (Н.М.Смирнова), в котором конституируются разные личностные и социальные смыслы. Наличие последних подпитывает потребность не только в коммуникации, как таковой, но и стимулирует убеждающее общение, в

⁴⁵⁶ Слинин Я. А. Гуссерль и его «Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. С.315.

ходе которого мы встречаемся с примерами аргументации.

Таким образом, феноменологический подход, в силу наличия в нем интересубъективного компонента, вполне может быть использован в качестве одной из методологических основ при построении ТА. Это возможно в силу того, он использует дескриптивные методы, подкрепленные эйдетическим анализом, вследствие чего «нормы и идеалы аргументации больше не привносятся извне, а обнаруживают себя в эмпирических коммуникативных актах живой реальной полемики». ⁴⁵⁷ В условиях, когда в повестке дня остро стоит вопрос о разработке теоретического подхода, способного выполнить интегрирующую роль в ситуации существования разрыва между нормативными моделями обоснования и риторическими моделями убеждения, дальнейшее развитие концепции интересубъективности, например, в том виде, которое было предложено А.Шюцем (анализирующим интересубъективный мир культуры, как мир опредмеченных смыслов), внушает оптимизм.

Главная задача субъекта-аргументатора найти аргументы, позволяющие в ходе процесса трансляции смыслов изменить позицию и поведение адресата. Это, как известно, непростая задача со многими неизвестными, которая редко решается в ходе одного аргументативного акта, но, тем не менее, нельзя отрицать того, что существует множество примеров, когда хороший аргументатор ее успешно решает. Это порождает устойчивое мнение, что сознание (мысленное поле) отдельного человека не так уж и сильно отличается от сознания других. Предполагается, что во многих индивидуальных психологических субъектах, независимо от каких-то специфических особенностей, есть некий типизированный компонент, своего рода общее смысловое «ядро», опре-

⁴⁵⁷ *Зайцев Д.В., Зайцева Н.В.* Указ. соч. С.121.

деляемое доминированием в культуре того или иного модуса ментальности.

Новые смыслы, появляющиеся в ходе аргументации, обретают бытие путем означивания, используя те знаки и значения, которые уже существуют в культуре. А различные смыслы в реальных когнитивных актах и в аргументативных практиках создаются субъектом каждый раз заново и переживаются адресатом неоднозначно, то возможность изменения позиции адресата всегда имплицитно содержится в любом аргументативном акте. Чтобы эта возможность превратилась в действительность в интерсубъективном «поле смыслов» должна быть некоторая общность участников аргументации на основе общности языка, опыта, убеждений, привычек и т.п., всего того, что формируется системой культуры.

Аргументация как проявление междисциплинарного речевого взаимодействия погружена в пространство культуры. Поэтому культурный контекст, безусловно, влияет на аргументативный дискурс, т.к. он во многом определяет то или иное понимание языковых феноменов.⁴⁵⁸ У исследователей аргументации нет единства во взглядах и по вопросу о том, какова степень и формы влияния культуры на аргументативный дискурс. Однако вряд ли можно отрицать, что выбор, например, той или иной стратегии аргументации происходит под влиянием культурной традиции. Более того, приверженность или принадлежность к определенной культурной парадигме часто является главенствующим фактором. Примером может служить различие в подходах к мистическому знанию в восточной и западной традициях. Как показала А.И.Бескова, европейский мистик-учитель, хотя и осознает, что «в полной мере божественная реальность не может быть выражена средствами обычного языка и

⁴⁵⁸ Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004.

осмыслена «в стратегиях» обычного мышления»⁴⁵⁹, тем не менее, пытается *убедить* ученика путем расширения его опыта, адаптируя новую информацию к когнитивным возможностям ученика, используя при этом общепринятые стратегии аргументации. Восточный же учитель, напротив, избирает «шоковый путь», он стремится потрясти и дезориентировать мировосприятие ученика, используя представляющиеся логически невозможными формы убеждения. Его цель расчистить место за счет полного отказа от прежних представлений, чтобы затем утвердить на месте разрушенной системы новую. «Европейский мистик, даже и при выражении запредельного опыта, стремится использовать стандартные формы аргументации, стараясь *доказать*, что описываемое им именно таково, как он утверждает. Дзэнский наставник в вопросах, имеющих отношение к пробуждению или описанию конечной реальности, не только не прибегает к привычным формам аргументации, но, напротив, старается использовать такие средства, которые максимально далеко отстоят от ожидаемого обыденным сознанием»⁴⁶⁰.

Культурный контекст аргументации играет важную роль не только при выборе стратегии аргументативного воздействия, но и в позиционировании субъектов аргументативного процесса, в определении их статусов. Так, в феноменологии понимание, как необходимое условие аргументации, предполагает типизацию, отнесение *Другого* к типу *Я*. Чтобы убедить другого необходимо, чтобы последний пережил определенный личностный смысл, который окажет влияние на его позицию. Однако в обществе присутствуют по меньшей мере три основ-

⁴⁵⁹ *Бескова И.А.* Аргументация мистиков (опыт когнитивного исследования) // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 3003. С. 339.

⁴⁶⁰ *Бескова И.А.* Аргументация мистиков (опыт когнитивного исследования). С. 339.

ных модели отношения к *Другому* и его культуре – отторжение, присвоение и сосуществование⁴⁶¹. За пределами феноменологического анализа остается вопрос о том, почему в коммуникативных ситуациях *Другой* часто предстает как *Чужой*. Представляется, что именно культурный (социально-культурный) контекст «виновен» в том, что фигура *Другого* приобретает образ *Чужого*, причем последний в случае социальных столкновений рассматривается, как правило, в качестве противника с соответствующими негативными характеристиками. Некоторые исследователи в связи с этим выдвигают теории, согласно которым такие метаморфозы предопределены изначально и исторически, т.к. любые «конфликты между культурными людьми воспроизводят ситуацию первых шагов новой породы людей. В состоянии конфликта сразу возникает призрак первого большого конфликта, самой страшной борьбы за выживание в истории вида. В первом великом сражении этого вида пришлось бороться за выживание с самым страшным соперником, гоминидом предыдущей формации»⁴⁶². Подобные объяснения (в той или иной форме) являются весьма распространенными. Сегодня сплошь и рядом, не только в повседневных отношениях между людьми, но и в политике, и даже в спорах научных школ, любые социальные коллизии традиционно мифологизируются по схеме «Свой – Чужой». В ходе полемической аргументации это происходит чаще, чем где либо.

Влияние пространства культуры на характер пространства аргументативного дискурса, погруженного в него, является системным, повсеместным и постоянным.

⁴⁶¹ Шапинская Е.М. Образ Другого в текстах культуры. М.: КРАСАНД, 2012. С. 34.

⁴⁶² Якимович А.К. «Свой – чужой» в системах культуры // Вопросы философии, 2003, №4. С. 49.

Оно существует как данность, изначально, еще со времени формирования будущих субъектов-участников, т.к. «субъектами не рождаются, а становятся» (Брушлинский А.В.). Это влияние культуры проявляется с первых шагов, когда человек «начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т.д.»,⁴⁶³ и никогда не заканчивается.

Любой аргументативный акт нацелен не только на понимание смысловой составляющей обосновываемой точки зрения, но и на вписывание ее в культуру, задающую не только личностные смыслы, но нормативные схемы и структуры, обеспечивающие ту конструкцию аргументационной речи, на которую навешивается все остальное. Однако, насколько глубоко влияние культурной традиции на аргументацию, каков его механизм, как изменения в культуре меняют представления о том, какой должна быть структура аргументации, и какие методы должны использоваться в ходе убеждения адресата, принадлежащего к другой культуре, это – вопросы, которые еще предстоит исследовать в ходе работы в такой обширной области научных исследований, которая носит общее название «теория аргументации».

Таким образом, какой бы сложной ни была задача построения общей ТА, поиск средств все более точного описания и теоретического объяснения аргументации продолжается. Он составляет важную сторону развития гуманитарного знания. И отсутствие общепризнанных моделей в данном случае «не есть недоработанность, которая будет когда-то преодолена. Напротив, это фор-

⁴⁶³ Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002. С. 9-34.

ма открытости, которая точке предпочитает вопрос, которая намеренно преобразует точку в вопрос...»⁴⁶⁴.

⁴⁶⁴ *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. С.371.